

НАРОДНАЯ ИДЕЯ И ЕЁ РОЛЬ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР*

Андрей Владимирович ПОПОВКИН,

кандидат философских наук, научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии на-
родов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

People's Idea and its role in the dialogue of cultures.

A.V. Popovkin, Candidate of Philosophy, a Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok.

Что отличает один этнос от другого? Что способствует или препятствует удержанию этому различению? Эти вопросы не могут не тревожить человечество в современном мире, этнические границы которого вновь пришли в движение.

Большинство исследователей ищут ответа на поставленные вопросы, пытаясь прежде всего определиться с сущностью понятия этноса — этничностью. Остриё спора составляет вопрос о том, объективна или intersубъективна природа этнического, имеет ли она сугубо социальный (конституируемый обществом) или всё-таки биологический (биосоциальный) характер. Сторонники той или иной парадигмы стремятся на основе известных исторических фактов предложить непротиворечивую модель этногенеза. И хотя таких моделей создано уже немало, вопрос о природе этничности всё ещё открыт.

В то же время выскажем тезис о том, что истина бытия любого этноса как бытия собственно человеческого лежит, скорее, в области духовной культуры, чем в сфере природно-биологической (что не исключает их взаимовлияния в культуре народа). Вопрос об удержании культурного своеобразия этносов, особенно малочисленных, стал как никогда актуален в наши дни, ибо очевидно, что утрата культурной идентичности равнозначна прекращению бытия этноса как такового, его уходу в Историю.

Угроза утраты культурной идентичности тесно связана с одним из основных вызовов современности — процессом глобализации, стирающим этнические и иные отличия. Одна из причин этого процесса — массовая доступность творчества. Это ведёт к небывалой ранее фрагментации поля культуры, утрате в массе культурного продукта руководящих образцов и, как следствие, к усреднению (унификации) форм культуры и соответственно утрате их этнических, классовых и прочих особенностей. Секрет «непобедимости» массовой культуры как раз и состоит, на наш взгляд, в её опоре на предельно редуцированные и потому всеобщие потребности, запросы, переживания. Именно поэтому массовая культура подобно американскому киногерою Рэмбо, скачущему на верблюде под рукоплескания

* Идеи, отраженные в статье, были развиты в ходе работы академического семинара проф. С.Е. Ячина при активном участии М.Е. Буланенко.

афганских моджахедов, не признаёт никаких границ. Правда, у реальных американских парней в Афганистане всё получается не так гладко. Так же и массовая культура: в реальной жизни она явно не соответствует собственной функции культуры — быть формой человеческого бытия. Растворяя границы разных культур своими редуцированными формами, глобальная массовая культура, рождённая главным образом в США, в итоге редуцирует и самого человека.

Реакцией на глобалистское стремление стирания границ и различий является рост шовинизма меньшинственных этнических групп, желающих отгородить себя от влияния вмещающей культуры. Законченной, но предельно уязвимой системой такого рода является резервация, выполняющая роль барьера там, где в этом нет нужды, но абсолютно прозрачная в тех областях, где границы следует сохранять. Резервация фактически помещает этнос в тепличные социально-экономические условия и с помощью различных преференций приводит к тому, что его представители не способны на равных конкурировать с остальными членами общества. С другой стороны, резервация не ставит никакого заслона растворяющему влиянию массовой культуры — радио, газеты, телевидение, реклама, продвигающие определённый образ жизни, вполне успешно разрушают те самые культурные традиции, которые якобы сохраняются в резервациях.

Квинтэссенцией непродуманности ситуации отношений культур в современном мире является тема идентичности. В основном эта проблема обсуждается, исходя из ложной посылки, что её можно сохранить путём предохранения от влияния извне. На самом деле этническую или культурную идентичность можно сохранить только путём её творческого развития, путём продвижения творческих продуктов к границам взаимодействия с другими этносами и культурами. Сохранность пространства своей культурной среды может быть обеспечена только в том случае, если активность её внутреннего давления будет больше (или равна) давлению извне.

Всякое творчество имеет основу: некий замысел, переживание, идею. Творчество, способное удерживать культурную идентичность этноса, должно быть основано на глубоком переживании основ народной культуры. Отсюда тезис, суть которого состоит в том, что *важнейшую роль в поддержании этнической идентичности играет то, каким образом осознаётся народом своё отличие от другого, уникальная истина своего бытия.*

В истории эту функцию выполняла главным образом традиция, транслируемая в народной культуре. Однако современная культурная ситуация характеризуется вовлечением в межкультурное общение всё большего числа участников. Контакты культур, какими бы замкнутыми они не были прежде, непрерывно расширяются. Эта ситуация напоминает состояние греческой культуры времён софистического «просвещения»: интерес обитателей древнегреческих полисов к образу жизни друг друга и к культурам, лежащим за пределами культурного круга Греции, привёл к тому, что традиционные основания греческой полисной культуры оказались под вопросом. То, что прежде считалось единственно истинным, нравственным, прекрасным, вдруг оказалось лишь одной из многих возможных форм культурной жизни. Релятивизм софистов, рассматриваемый ими самими как единственная адекватная реакция на такое положение вещей, вызвал к жизни попытки Сократа, а затем Платона переосмыслить на новых философских основаниях (хотя и с опорой на достигнутое их предшественниками) то подлинное, что содержала в себе традиция. То, что традиция предлагала принимать нерелексивно, Сократ и Платон

сделали предметом философского осмысления. Находясь в культурной ситуации, схожей с той, в которой некогда оказалась древнегреческая культура, мы снова испытываем нужду в прояснении основополагающих понятий культуры, в том числе и основополагающего понятия *истины*. Для этносов, желающих удержать свои культурные основания, как нам представляется, чрезвычайно актуально обращение к опыту античности* — к рефлексивному переосмыслению народной традиции.

Сократо-платоновская традиция, интеллектуальными наследницами которой являются русская и большинство европейских культур, понятие истины выводила из гераклитовского Логоса, основываясь на парменидовском представлении о тождестве бытия и мышления. Мифологический символизм до-философской традиции был переосмыслен в форме умопостигаемых идей (*эйдосов*). Таким образом, можно утверждать, что всякая этническая традиция, будучи по своей природе символической выступает выразителем некоей *идеи народа*, его смысла жизни. В современных условиях, когда интенсивность этнокультурного взаимодействия возросла, не осознавать собственные культурные основания, *истину своего бытия*, свою *идею* означает для этноса неспособность удерживать свои культурные границы, открыть широкую дорогу аккультурации и ассимиляции.

Непонимание логики этнокультурной границы влечёт за собой разнообразные попытки возведения искусственных барьеров (тех же резерваций). И, напротив, этнические (этнокультурные) границы, построенные на основе различия *идей* народов и тем самым предъявляющие друг другу свои культурно-мировоззренческие основания, становятся зонами соразвития культур. В немалой степени это обусловлено тем, что в таком взаимодействии культуры глубже постигают собственную сущность и раскрывают заложенные в них потенции. Однако для этого необходимо, чтобы культуры определялись спецификой своих форм и видов творчества, а не юридическими нормами, политическими или экономическими барьерами. Согласитесь, нет нужды юридически закреплять своеобразие русской или китайской живописи. Так и культурные границы территорий традиционного *природопользования* представляется логичным проводить с учётом не только этнографических данных, но и экологических расчётов, выделяя наиболее целостные экосистемы.

С точки зрения соответствия логике разграничиваемого, совершенно непонятными и провоцирующими межэтническую рознь выглядят разнообразные предпочтения коренным малочисленным народам, сопровождаемые ограничениями местных жителей иной этнической принадлежности. Вот, например, высказывание одного помора: «...Россиянин, в том числе помор, может поймать 4 килограмма рыбы в год. Вот и всё. А ненцу дают аж 22 килограмма. Это вот государева норма. Это глупость полнейшая» [2, с. 11]. Возмущение помора вполне понятно — ведь получается, что хозяйственная деятельность на территориях традиционного природопользования регулируется фактически в логике «почвы и крови»! Совершенно очевидно, что вопрос о сохранении этнокультурного

* На параллелизм с античной культурной ситуацией указывает, в частности, основатель трансцендентальной прагматики К.О. Апель: по его мнению, «кризисная ступень», связанная с переходом культур от традиционной («конвенциональной») морали к рефлексивно обоснованной («постконвенциональной»), всегда сопровождается той или иной формой «просвещения» и софистики — так было в античной Греции, так происходит и в современную эпоху [4, с. 430—431].

многообразия должен решаться совершенно другими методами и в иной логике — логике культуры. В свою очередь, логика культуры теснейшим образом связана с символизмом каждой конкретной культуры. И для удержания этносом своей культурной идентичности этот символизм должен быть осмыслен.

Поясним нашу концепцию перехода *этнической культуры* в *народную идею* на следующем примере: русскому человеку, чтобы ощущать себя русским, нет нужды надевать косоворотку и выходить с рогатиной на медведя, т.е. позиционировать себя в соответствии с устаревшими формами народной традиции. Достаточно сохранять традиционное отношение к Природе, Богу и Человеку, ощущать родство мысленного строя с персонажами классиков русской литературы, с философствованием Вл. Соловьёва, Е.Н. и С.Н. Трубецких, Н. Бердяева, Л. Карсавина. Горячие споры о *русской идее* совершенно ясно показывают общую интуицию того, что она есть некая *реальность* духовной жизни русского народа. Но они указывают и на то, что новая *русская идея* должна иметь конкретно-историческое содержание. Попытки вернуться к известной триаде «Православие, Самодержавие, Народность» в том виде, как она понималась в середине XIX в., вряд ли актуальны в наши дни, но ещё жива стоящая за ней *идея*.

Существо дела отлично выразил Вл. Соловьёв: «...идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [1, с. 220]. В согласии с ним мы полагаем, что окончательная формулировка идеи народа вряд ли возможна — это означало бы конец духовного поиска, конец Истории народа. По крайней мере, подобные попытки, неоднократно предпринимавшиеся в европейской культуре, начиная с эпохи Просвещения, неизменно заканчивались провалом и иррациональной реакцией. Однако совершенно очевидно, что отказ народа от поисков своего предназначения, сути своего бытия не менее губителен, поскольку означает стагнацию, за которой неизбежно следует угасание его культуры.

Сказанное справедливо и для традиционной культуры. Традиция, которая истолковывается исключительно в терминах самосохранения, перестаёт быть *живой традицией*. Она становится формой консервации народной культуры, а значит, формой её стагнации и гибели. Мы постоянно слышим требования коренных народов обеспечить возможность традиционного уклада жизни. При этом мало кто понимает, какие именно формы традиционной культуры сохранять необходимо, а каким можно позволить уйти в историю — процесс вполне естественный, хотя и не лишённый некоторого трагизма.

Ещё более важно понимание оснований в сфере духовной культуры. Сейчас многие этнические лидеры и проповедники «традиционного счастья» из различных международных фондов ратуют за возрождение шаманизма. Однако шаманизм как традиция требует непосредственной передачи и как таковой не может быть возрождён, особенно в российских условиях, когда он в качестве мировоззренческого института был практически уничтожен в годы борьбы с религией. То, что реставрируется под видом традиции (неошаманизм), является очередным симулякром современной массовой культуры, имитирующим подлинную традицию. Что это даст для духовной жизни малых народов России? Сможет ли псевдотрадиционный новодел выступить равноправным партнёром в диалоге с вмещающей культурой православной цивилизации? И дело здесь вовсе не в политико-экономическом давлении или сегрегации, а в огромном культурном градиенте.

Большую роль в процессе формирования идеи коренных малочисленных народов Дальнего Востока могла бы сыграть этнография, переосмысленная как

метакультурная форма бескорыстного интереса к Другому. Метакультурные сообщества возникают как ответ на переход культуры в новое состояние, когда в результате интенсификации контактов между различными культурами последние выходят на ступень рефлексивного осознания своих отличий друг от друга и использования этих отличий в качестве отправных пунктов для взаимного развития [3]. И хотя можно утверждать, что изначально этнография обслуживала достаточно утилитарные цели различных империй, однако довольно быстро её движущей силой стали, с одной стороны, осознанная правительствами ряда ведущих стран неизбежность интенсификации межнациональных контактов, а с другой — практически бескорыстный интерес со стороны учёных-этнографов к людям иной этнической культуры. Последнее особенно ярко проявляется в личных беседах с этнографами — почти всех их привело в науку удивление культурам других народов.

Примечательно, что многие антропологи, этнически принадлежащие к коренным малочисленным этносам, изучают, как правило, свой собственный народ и/или родственные ему этносы. Таким образом, они исходят из совершенно иного стремления: не познать иную этническую культуру, но уберечь и репрезентировать свою. Такие этнографы становятся хранителями этнической культуры, и их роль в её судьбе, в частности в выработке на её основе народной идеи, может быть очень велика. Ведь известно, что далеко не во всех культурах Логос играет важную роль и как следствие — не все культуры могут одинаково легко в качестве своего основания предъявить именно *идею народа*. Но так уж сложилась история, что доминирующее политико-экономическое положение занимают в основном нации, унаследовавшие дух античности (Россия не исключение) и потому *осмысляющие основания культуры в виде идей*. Следовательно, можно сказать, что для полноценного культурного диалога сами мажоритарные этнические группы нуждаются в том, чтобы этническая культура миноритарных получила выражение в идее соответствующего народа.

Кроме того, само существование этнографии в современном обществе как своеобразной формы культуры является одним из факторов, свидетельствующих, что оно ещё способно на бескорыстный интерес к Другому, что оно готово и хочет диалога с Другим, но этот диалог может и должен состояться на равноправных условиях.

Это означает, что подлинное, живое сохранение культурного многообразия возможно, только если малые этносы смогут предъявить в диалоге культур соразмерные по глубине собственные основания — *идеи народа*. Согласно концепции *метакультуры* идеи малых народов нужны и большим этносам для более глубокого осознания в диалоге своеобразия собственной *национальной идеи*. В конечном счёте, культурное развитие этносов как мажоритарных, так и миноритарных возможно только в форме соразвития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьёв В.С. Сочинения. В 2-х т. М., 1989. Т. 2.
2. Тулаева С.А. Поморская идея: возникновение и развитие // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 3—17.
3. Ячин С.Е. Состояние метакультуры // Философия и культура. 2008. № 7. С. 126—139.
4. Apel K.-O. Diskurs und Verantwortung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.